

Сюань Тяньшэ ощутил, как мир вокруг него пустился в неистовое вращение. Пока они были в пути, уговоры Хань Цзюэ мало-помалу успокоили его мятежный дух: он почти поверил, что с Бай Линем ничего дурного не случится. Однако теперь, заведя в траурном зале у подножия Пика Чёрной Черепахи этот гроб, он окончательно потерял опору под ногами.

Тяньшэ никогда не допускал и мысли о том, что Бай Линь может уйти из жизни раньше него. Ему всегда казалось, что с его кротким, бесконфликтным нравом брат проживёт долгие годы в безмятежности и в конце концов достигнет бессмертия. Ведь именно Бай Линь был тем, кто по-настоящему пёкся о судьбах мира. За что же ему это? Почему?

Бай Мэн больше нет. Если теперь исчезнет и шисюн... Как ему быть? Как жить дальше?

Спотыкаясь и пошатываясь, Сюань Тяньшэ побрёл к гробу. Пальцы его била такая крупная дрожь, что не осталось сил даже на то, чтобы просто сдвинуть тяжёлую крышку.

В этот момент Хань Цзюэ, ведший за собой Мэн Цзи, наконец нагнал его. Увидев состояние Тяньшэ, он поспешно шагнул вперёд и подхватил его обмякшее тело.

Сюань Тяньшэ до боли стиснул зубы и, указывая дрожащей рукой на гроб, выдавил сквозь слёзы:

— Помоги... помоги мне открыть крышку. Я не верю... не верю в это!

Хань Цзюэ вздохнул. Поколебавшись мгновение, он всё же решил уступить и приготовился сдвинуть дерево. Взглядом он приказал Мэн Цзи поддержать Тяньшэ.

Но именно тогда со стороны порога донёлся тихий скрип двери, и чей-то спокойный голос спросил:

— Что вы здесь делаете?

Сюань Тяньшэ резко обернулся. В дверном проёме показался мужчина в белых одеждах с чёрными волосами, рассыпавшимися по плечам. В его взгляде, глубоком и спокойном, точно древний колодец, читалось лишь лёгкое недоумение. Он медленно въезжал в комнату в инвалидном кресле, и порыв ветра колыхал пустые штанины там, где когда-то были ноги ниже колен.

Кто это мог быть, если не Бай Линь?

На миг Тяньшэ показалось, что он видит сон. Он несколько раз попытался произнести имя, но не смог издать ни звука. Лишь когда голос наконец вернулся к нему, он сорвался на хриплый, надрывный крик:

— Шисюн!..

— А-Шэ! Что с тобой? — Бай Линь не на шутку испугался, увидев брата в таком отчаянии. Он полагал, что Тяньшэ убит горем лишь из-за гибели Бай Мэн, и не догадывался, что тот уже мысленно похоронил и его самого. Двойной удар едва не довёл юношу до полного краха.

— Я думал... я думал, ты ушёл вслед за Мэн-эр! Думал, ты тоже бросил меня, Бай Линь! — Тяньшэ выкрикнул это почти с ненавистью, впиваясь взглядом в брата, словно желая выплеснуть на него всю свою обиду, ярость и невыносимую боль.

Бай Линь в замешательстве посмотрел на Хань Цзюэ, безмолвно спрашивая: «Что стряслось с А-Шэ?»

Хань Цзюэ только открыл рот, чтобы объясниться, но Сюань Тяньшэ опередил его:

— Шисюн, Мэн-эр мертва.

Бай Линь замер. Он полагал, что брат узнал о кончине девушки, лишь увидев гроб, но Тяньшэ говорил об этом с такой уверенностью, будто всё произошло на его глазах. Помолчав, он спросил:

— А-Шэ, когда ты узнал об этом?

— Два дня назад.

Бай Линь тяжело вздохнул.

— На следующий день после вашего ухода Лампа души Мэн-эр раскололась. Я... я срезал шрамы, оставшиеся после Техники Божественного Доспеха, и на этот раз мне явилось видение. В тот миг она решила рассеять свою душу.

— Да, — Сюань Тяньшэ поджал губы. — Чжоу Сюе вынудил её пойти на смерть, и она подчинилась.

— Чжоу Сюе... Чжоу Сюе? — Бай Линь негромко повторил это имя. Даже если бы этот человек рассыпался в прах, он бы не забыл его. Тот, кого он почитал как тестя, оказался врагом, истребившим его род, а теперь ещё и палачом его последней близкой души.

В то же мгновение слёзы покатались по щекам Бай Линя, оставляя мокрые следы на одежде. Он плакал беззвучно, содрогаясь всем телом, и Сюань Тяньшэ, глядя на это, чувствовал, как сердце обливается кровью.

Он опустился перед инвалидным креслом и крепко сжал руки брата.

— Шисюн, я отомстил за тебя. Чжоу Сюе больше нет. Его душа рассеялась, он никогда не сможет переродиться.

— А Мэн-эр?.. Мэн-эр всё равно не вернуть.

— Прости меня, шисюн, это всё моя вина! Если бы я не потерял время в деревне Дунцзя, я бы успел спасти её. Прости... прости меня! — Тяньшэ исступлённо молил о прощении, хотя в глубине души понимал, что слова здесь бессильны.

— А-Шэ, это моя вина, не твоя. Не смей винить себя, слышишь? Ты ни при чём. Правда.

Бай Линь прекрасно понимал, что Тяньшэ не в чем упрекнуть, но горе на миг затмило его разум. Он поспешно наклонился, желая поднять брата с колен, и едва не выпал из кресла — лишь помощь Мэн Цзи помогла ему удержаться.

Только тогда Бай Линь заметил притихшего мальчишку.

— А это кто?

Мэн Цзи внезапно рухнул на колени перед Бай Линем, отвесил несколько поклонов и с покрасневшими глазами произнёс:

— Простите меня, шибо... Сестрица Бай Мэн отдала свою жизнь, чтобы спасти меня.

Бай Линь вздрогнул.

— О чём ты говоришь?

Мэн Цзи перехватил предостерегающий взгляд Тяньшэ, но всё же решился и честно поведал шибо обо всём, что произошло.

Выслушав рассказ, Бай Линь на удивление быстро успокоился. Он поманил мальчика к себе. Мэн Цзи не встал, а лишь подполз ближе на коленях и замер, склонив голову в ожидании суровой отповеди.

— Ты честный ребёнок. Любой другой на твоём месте постарался бы похоронить эту тайну в самом сердце, а ты решил во всём признаться.

Мэн Цзи, не поднимая глаз, пролепетал:

— Я должен отвечать за свои поступки. Если бы я промолчал, то не был бы достоин зваться человеком. Шифу, шибо и сестрица Бай Мэн были так добры ко мне... я не могу лгать вам.

— Славный малый. Тебя зовут Мэн Цзи? А-Шэ так долго выбирал, и, похоже, действительно нашёл достойного ученика.

— Да, — кивнул мальчик. — Шифу сказал, что фамилия Мэн созвучна с именем сестрицы, а моё прозвище было Сяо Цзи-эр, поэтому он выбрал для меня имя Мэн Цзи.

— Хорошее имя, — отозвался Бай Линь.

Стоявший до этого в стороне Хань Цзюэ вдруг уловил в воздухе странный аромат. Тонкий, едва различимый, он отдавал тошнотворным тленом, сквозь который пробивалась приторная сладость благовоний. Он наклонился к Сюань Тяньшэ и что-то зашептал ему на ухо. Тяньшэ тоже принялся, но лишь покачал головой.

— Ничего не чувствую, — он глянул в окно на гладь озера. — Наверное, от воды потянуло сыростью.

Хань Цзюэ зашёл с другой стороны, против ветра, и снова принялся. Запах исчез. Но он не успокоился — озерная вода пахла иначе. Стоило ему вновь перевести взгляд на Бай Линя, как подозрения окрепли: именно от него исходил этот душный дух.

Хань Цзюэ видел Бай Линя всего несколько дней назад, и тогда от него не пахло этой смесью гнили и цветов. Он начал лихорадочно перебирать в памяти все известные ему запахи, пока не наткнулся на единственно верный ответ.

Это был трупный аромат.

Но как такое возможно? Хань Цзюэ смотрел, как Бай Линь увлечённо беседует с Мэн Цзи — перед ним был живой человек.

По крайней мере, внешне.

— А-Шэ, когда ты сжимал руки брата, его тело было тёплым?

Тяньшэ недоуменно нахмурился.

— Разумеется. В чём дело? Шисюн не пострадал от того, что Мэн-эр лишилась части души. Я думаю, её остатки всё ещё поддерживают в нём жизнь.

— Нет, ты ошибаешься, — Хань Цзюэ покачал головой. — Тот запах, о котором я говорил... это трупный аромат. И исходит он именно от Бай Линя.

— Трупный аромат?

— Именно. Запах мёртвого тела. — Хань Цзюэ вдруг коротко рассмеялся, и от этой жуткой, холодной улыбки у Сюань Тяньшэ по спине пробежал холодок.

— Что в этом смешного?

— Ничего, — оскалился Хань Цзюэ. — Просто мне пришла в голову одна дерзкая мысль. А что, если душа Бай Мэн давно рассеялась? Что, если в теле твоего брата сейчас вообще нет души?

Сюань Тяньшэ, до этого тихо сидевший, внезапно вскочил, напугав даже Бай Линя.

— Быть не может! — выкрикнул он.

— А-Шэ, что не может быть? — Бай Линь подъехал ближе, глядя на него с тревогой.

— Ничего, — Тяньшэ постарался взять себя в руки. Последние дни так истязали его сердце, что он едва сохранял остатки самообладания. Громкий выкрик был лишь следствием потрясения.

Бай Линь не стал допытываться и лишь мягко произнёс:

— А-Шэ, мне очень нравится Мэн Цзи. Если бы ты не опередил меня, я бы сам с радостью взял его в ученики.

Мэн Цзи смущённо улыбнулся и почесал затылок. Глядя на него, Сюань Тяньшэ вспомнил о Знамени призыва душ.

— Шисюн, знаешь ли ты, что Знамя признало Цзи-эра своим господином?

— Что?! — Бай Линь изумился. — Но... это ведь плохой знак! Такой добрый ребёнок и вдруг связан с этим тёмным, беспощадным артефактом. Есть ли способ разорвать эту связь?

Тяньшэ покачал головой.

— Нет, это невозможно.

— Тогда...

— Но когда Знамя признало Мэн Цзи, большая часть скопившейся в нём злобы и обиды развеялась. Цзи-эр, достань Знамя.

Мальчик послушно вынул из своего узелка свернутое полотнище и протянул его Бай Линю. Тот осторожно принял артефакт. Он видел Знамя призыва душ лишь однажды, в тот кровавый день истребления своей семьи, и помнил его смутно: как нечто тёмное, сочащееся призрачной энергией.

Сейчас всё было иначе.

Иероглифы на ткани сияли чистым светом, и само белое полотно казалось ярче. Должно быть, из-за искренней и чистой натуры Мэн Цзи даже аура, окружавшая артефакт, стала мягкой и спокойной.

Бай Линь невольно рассмеялся, но в смехе его слышались слёзы.

— Я думал, что это Знамя — начало кошмара для меня и всего рода Бай. И не чаял дожить до дня, когда увижу его таким мирным.

Бай Линь позвал мальчика и торжественно, обеими руками, передал ему Знамя призыва душ.

— Цзи-эр, с этого дня это Знамя больше не является достоянием семьи Бай. Теперь оно принадлежит тебе. Я лишь прошу тебя использовать его во благо. Не твори зла и не становись дурным человеком. Обещаешь?

Мэн Цзи тотчас опустился на колени и принял дар.

— Я, Мэн Цзи, клянусь: если я хоть раз использую Знамя призыва душ для злых дел, пусть небо поразит меня, а душа моя рассеется навсегда!

<http://bllate.org/book/17529/1699217>